

Оглавление

Январь
9

Февраль
50

Март
112

Апрель
157

Май
198

*Роман основан на реальных событиях,
произошедших в г. Куйбышеве (Самаре)
зимой и весной 1956 года*

Кто-то летел по небу полуночи. Был он невидим, тонок и прозрачен, так что от всего его полета были слышны только взмахи легких, как снег, крыльев. Его видели схимники и поэты. Не те, кто ночью предпочитает спать, а если мучается бессонницей, то морока, распирающая душу, мешает увидеть даже чайник, стоящий на плите.

Но если рассуждать логически, это был совсем не ангел, а просто ночная птица, заплутавшая в темноте и добирающаяся на ощупь до своего далекого гнезда.

Под ней раскинулся маленький город, деревянный, черный и глухой. Одинокие фонари раскачивались от снежной крупы, освещая не-

Чудо

широкие улицы, заметенные снегом по горло, до резных наличников, до наглухо закрытых форточек. Родившиеся в пятидесятых еще помнят эти железные фонари, похожие на сорванные с голов шляпы. Они всегда скрипели и не всегда светили, потому что лампочки выбивали из рогаток с земли, и если идешь ночью, с трудом отдирая калоши от вязкого снега, и слышишь в небе тоскливый скрип, значит — фонарь, пусть и не освещающий тебе дорогу, дает надежду, что он когда-нибудь зажжется.

В эту ночь спали все. Не спал только металлургический завод, вокруг которого и была нарублена эта рабочая закопченная слобода. Словно древний дракон, он выбрасывал в небо горящие искры, чадил и вздыхал, как туберкулезник, не находящий себе покоя даже глубокой ночью.

И птица пошла на снижение. Внизу промелькнула полоска замерзшей, узкой, будто ручей, реки. Завод, самая высокая труба которого была похожа на жерло наведенной на небо пушки, остался позади. Деревянная черная улица приблизилась к глазам.

Сугроб. Заиндевевший наличник. Удар о стекло. И тишь. Только вой ледяной вьюги.

Январь

1

Клавдия Ивановна проснулась от незнакомого шума. Села на кровати, тараща глаза в темноту и запахивая на груди халат, в котором она жила долгими зимами, как черепаха живет в своем панцире. За окном синели есенинские бледные сумерки, но не моложавой весны, а сумерки черного человека, придавливающего собеседника так, что невозможно дышать.

Тикали ходики на стене. Серый кот, лежавший в ногах, оцетинившись, словно пушистый еж, поднял голову. Несколько потемневших икон в углу укоризненно и строго смотрели на тетю Клаву.

В противоположном конце комнаты посапывала на железной кровати Танька, и блестя-

Чудо

щие шарики в ее изголовье тускло отсвечивали рассветом. Я любил в детстве играть в эти шарики, отвинчивая и бросая их на пол. И оловянные солдатики, расставленные на полу, бежали и прыгали врассыпную.

Тетя Клава машинально оторвала листок с толстого, словно увесистый кирпич, календаря, и в глаза бросилось веселое досужее слово, напечатанное красной краской на грубой бумаге, похожей на ту, в которую заворачивали рыбу в продовольственных магазинах: «ВОСКРЕСЕНЬЕ».

И Клавдия Ивановна облегченно вздохнула. Это слово значило многое, например, то, что городок проснется не в шесть часов утра, когда пронизывающий холод навевает мысль о вечной зиме без надежды и оправдания, а встанет не раньше десяти, затопит печи, поставив на них закопченные чайники, и морозное небо окутает колючий черный дымок.

Ходики показывали начало восьмого, следовательно, в запасе был дремотный час, можно поваляться в постели, понежиться, переворачиваясь с боку на бок, чтобы железная сетка, на которой лежал матрас, залязгала и загудела внизу...

Но вдруг она поняла, что не может спать, что какая-то тревожная тайная мысль заставляет тело двигаться и трепетать. Вернее, не

Январь

мысль, а незнакомый звук, грозный, как и любая неизвестность.

Клавдия Ивановна нащупала под собою тапочки, набросила на потертый халат подлатанный с изнанки ватник и встала на свои не слишком твердые ноги.

Потрогала рукой печку, которая оказалась, как человеческая плоть, слегка теплой, отпихнула кота, увязавшегося следом, и пошла на кухню.

Собственно, кухней служил небольшой закуток, образовавшийся за побеленным боком, здесь стоял деревянный стол без скатерти с мелким столовым скарбом. Этот столовый скарб, сделанный из серого олова, страшно жегся и обжигал губы до белой пленки. И потом уже, когда Хрущев поносил часть бараков, на пепелищах, оставленных после домов, валялись эти ложки и вилки, гнутые, в темных веснушках и родинках. Алюминий и нержавейка для столовой посуды были еще впереди...

Клавдия заметила, что форточка на окне приоткрылась, хотя она твердо помнила, что закрывала ее на ночь.

Крышка на кастрюле с наваренным накануне свекольником была отодвинута, будто хотела поздороваться. Чувствуя неладное, Клавдия Ивановна заглянула в густую красноватую жижу.

В ней чернел какой-то незнакомый предмет величиной с небольшой камень. Клавдия взяла

Чудо

половник и подцепила комок, с ужасом разглядев небольшой клюв, слипшиеся перья, подернутые мертвой пленкой глаза...

Половник выпал из ее рук. Птица плюхнулась на пол, кот подбежал к ней и начал жадно слизывать с перьев застывшие жиринки.

— Чего, мама... спать-то дай!

В проеме между стеной и печью стояла сонная Танька, ледащая и поджарая, как вешалка, на которую накинули ночную рубашку. Только небольшой круглый живот, какой часто бывает у худых людей, указывал на наличие беспокойного тела, которому нужно было больше, чем разуму.

— По воскресеньям не спим... Когда спать-то будем?..

— Тут такое дело... Глянь!..

И мать с ужасом указала под собственные ноги.

— Ну и что? — сказала Танька, зевая. — Обыкновенный воробей.

— А как попал-то?

— Через трубу или... Ну да, через форточку. Повечерять захотел борщом. Прихарчился... и потонул.

— Прихарчился... Нет... Здесь не то... Боюсь!..

— А ну тебя к бесу! — Танька махнула рукой и пошла досыпать на свою железную кровать.

Клавдия Ивановна кинула испуганный взгляд на мертвую птицу, которую облизывал кот. В затмении чувств возвратилась в комнату.

Январь

Открыла платяной шкаф, захватанный, как почтовая марка. Там на дне под старыми платьями и зипунами стоял деревянный чемодан со времен последней победоносной войны, выкрашенный грязно-зеленой краской, которая уже успела облупиться, с железными защелками, приспособленными под грубую мужскую руку. Такие чемоданы делали раньше кустари-инвалиды, тыловые крысы-бобыли, и обменивали военным на сухой паек, а те, проклиная ущербных, брали...

Вещи в шкафу были обсыпаны нафталином, белая пыль, как пепел, лежала всюду. Тетя Клава сдула ее, чихнув, щелкнула вечным железом и отворила военный сезам.

На внутренней стороне крышки были припилены газетные фотографии Ленина, Сталина, Маленкова и артиста Кадочникова. В самом чемодане лежала почетная грамота с уса-тым профилем, пачка облигаций государственного займа, бесполезных, как зубная боль, несколько старых пустых кошельков и революционный сонник без обложки, который и искала Клавдия Ивановна.

Она открыла заветную книжку и, найдя нужную букву, прочитала по складам, щурясь и не надевая очков:

— *«Птица, во сне – неожиданная весть, негаданное письмо, послание от друга...»* Нет, не то... — Она перевернула замусоленную страницу и отыска-

Чудо

ла наконец нужное: — *«Птица, в доме — к тяжелой болезни, расстройству в делах, внезапной смерти, к безумию...»* Слышь, Танька, к безумию!.. — Последнее слово она произнесла с каким-то подвывом, отчего дочь даже вздрогнула.

— Чего заголосила дуру? — спросила Танька душевно, не вставая с кровати. — Верить-то чего всяким шалаболам?

— Не шалаболы, книга ведь, — сказала Клавдия.

— А в печку ее!

— Нельзя. От матери досталась.

— А что, мать-то твоя верила?

— Верила в приметы. А на иконы только крестилась.

— А ведь и вправду буду безумная, — пробормотала Танька, потягиваясь. — От любви буду.

— Не безумная, а бесстыжая. Ты бы разведала... Может, у него жена, дети?..

— Нет никого... — И помолчав, добавила: — А хоть бы и были. Мне-то что? Холодно нынче. Затопила бы.

— Холодно. Конечно, холодно, — передразнила ее Клавдия. — Не май на дворе, а дров — в обрез. До весны не хватит.

— А мы, как дядя Антип. Собственной избой топить будем.

— Ну нет уж. Чтоб свой же дом распилить... Не бывать этому.

Январь

Кряхтя, закрыла свой чемодан, спрятав его за демисезонным пальто. Пошла за печку, села на ведро по малой нужде, уставившись в замороженное стекло.

— Антип, — сказала она себе. — Что мне твой Антип?

Антип был инвалидом без ног, выдававшим себя за героя войны. Если бы он жил, предположим, в Москве, то его непременно сослали бы на Валаам или куда подальше, так как подобные человеческие обрубки позорили социализм и от них, по негласному приказу, избавляли жителей больших городов.

Но Антип жил в слободе, где позорить было, в общем-то, некого, и его не тронули. Несмотря на то, что у него присутствовали лишь две конечности из четырех, он орудовал этими двумя весьма умело, подрубая примыкающий к дому сарай и топя этими дармовыми бесплатными дровами собственную печь.

Клавдия встала с ведра и прикрыла халатом голую поясницу. Ей показалось, что кто-то смотрит на нее с улицы.

Она вынесла ведро на заснеженный двор. Собака, помесь кавказца и русской дворняги, увидев хозяйку, затавкала и заскулила, высунувшись из будки.

Валенки вязли в наметенной за ночь крупе. Клава протоптала дорожку к компостной яме,